

Александр Бобошко
Избранное

Стихотворения, песни, поздравления

Александр Бобошко

**Избранное. Стихотворения,
песни, поздравления**

«Издательские решения»

Бобошко А.

Избранное. Стихотворения, песни, поздравления / А. Бобошко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508068-4

Каждая строчка поэта и барда Александра Бобошко, щемящая интонация его стихов и песен — всё это выстрадано человеком, живущим болью своего времени, своей родины.

ISBN 978-5-00-508068-4

© Бобошко А.
© Издательские решения

Содержание

ВЕРТИКАЛЬ ОТКРОВЕНИЙ	6
ЧТО ЛЮБЛЮ, А ЧТО – НЕ ОЧЕНЬ	10
ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ	14
Дикие лошади	14
Марш говорящих деревьев	16
Чувства на продаже	18
Собака не предаст	19
«Людам хочется обмануться...»	21
Дорога на дуэль	22
О Пушкине и не только	24
Моим недоброжелателям	29
«Зачем нам выборы?»	31
По волчьему закону	32
Молитва атеиста	33
«– Где, скажи, сегодня те, что молчали раньше?..»	35
Я люблю	36
Возвращение Наполеона	37
Смена королей	39
Тысяча желаний	41
Тайна за закрытыми дверями	42
Летающий кот	44
Думка о котах различного возраста	45
Монолог чудовища Несси	46
Гулливер в Лилипутии	48
Не браните Есенина!	50
Квадратный мир	52
Джинсы старые	53
Баллада о скоморохе	54
Папой не назову	56
Уходят лучшие из нас	58
«Сказала ты: «Кошка не плачет...»	60
Мы исчезаем	61
Жить по совести	63
Песня последних атлантов	64
Русское кладбище в Харбине	66
Гробокопателям	68
Страус	70
О вечном невезении Тамары Пончиковой	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Избранное Стихотворения, песни, поздравления

Александр Бобошко

© Александр Бобошко, 2019

ISBN 978-5-0050-8068-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕРТИКАЛЬ ОТКРОВЕНИЙ

Александр Бобошко – представитель писательского блока интеллигенции Приамурья – в литературе не новичок. Своё творчество он популяризирует не только изданием книг, но и доносит до слушателя, как бард, в различных аудиториях Благовещенска, в городах и районах области. Авторские песни в его исполнении звучали со сцен в Приморском и Хабаровском краях, в республике Саха (Якутии), в Москве и в Томске, в Харбине, Порт-Артуре, Даляне (в Китае) и т. д. «Авторская песня – тут уж без обмана, тут будет стоять перед вами один человек, глаза в глаза». Эта фраза Владимира Высоцкого для Бобошко, как напутствие, которому он следует всегда. Александр неутомимый и подвижный, лёгкий на подъём, новизна впечатлений для него – источник вдохновения.

Сравнивать достоинства и недостатки творчества поэтов дело неблагодарное, у каждого амурского стихотворца своё лицо, свой годами выработанный почерк. Со временем наступает усталость от бесконечного сражения с листком бумаги, авторов берут в плотное кольцо порождённые ими же герои. Ранее изданные тоненькие книжки их, похоже, не устраивают. Надо что-то предпринимать. Так и рождаются томики «Избранного».

В настоящем издании в основном собраны уже опубликованные ранее стихотворения. Думаю, что скомпоновать этот сборник ему было нелегко: это всё равно, что выбрать в большой семье любимчиков и представить их на обозрение широкой публике для выводов и заключений.

Направленность рецензируемой книги, на мой взгляд, чисто автобиографическая – касается ли это родных мест и родителей, сердечных привязанностей, отношений с друзьями и даже чисто протестных событий, участником или свидетелем которых нередко является сам автор. Согласно законам жанра автобиографический герой часто не идентичен автору. Они существуют независимо друг от друга в разных условиях, и в реальном времени по-разному их оценивают. Автор – вот он: понятен и доступен. Но его литературный двойник человек самостоятельных поступков и принятых решений. А это, как говорят одесситы, «две большие разницы».

Стихи Александра о малой родине и о детстве подкупают лёгкостью стиля и правдивостью. Его разговорная и письменная лексика непринуждённа и хорошо воспринимается. Мне кажется, что после прочтения этого раздела любому из нас захочется хоть на мгновение вернуться в тот беззаботный период своей биографии.

Всё его детство связано с Райчихинском, он верен ему, часто бывает в родном городе.

Как устану совсем от шумихи,
Телящика, брани газет, —

Брошу всё и уеду в Райчихинск,
Где я жил до семнадцати лет.

Я тут ощущаю,
Что внешне я только седой.
На самом-то деле
Мальчишка ещё, молодой!

А в том далёком времени, да в благодарной памяти остались любящие, хотя и разные по характеру родители, детские забавы, школа, да соседи, среди которых Саша определил для себя, ну, как самого-самого (!) – гармониста от Бога столяра дядю Васю!

Эх, как наяривал дядь Вася на гармошке!
Старушки, собиравшиеся в рай,
Слезу смахнув, просили: «Васька! Трошки
В последний раз для нас ишо сыграй».

Частые приезды на свою малую родину позволяют Александру «смотреть глазами мальчишки в золотую весну сентября». Наверное, в душе он всегда останется таковым, так как любит и понимает это босоное племя.

Лет двадцать назад, мне довелось спускаться по Амуру до Николаевска круизным рейсом на теплоходе «Миклухо – Маклай», на котором Александр был культмассовиком. На «зелёных стоянках» я наблюдал за отношением детей к лохмато-бородатому баянисту (в те времена он всегда был живописно непричёсан). Едва окунувшись в бодрящей воде Амура, они, удобно расположившись на песке, окружали Александра, ни о чём его не просили, а Бобошко непостижимым образом угадывал мелодию или музыкальную забаву, интересующую ребят. Такая обострённая способность взрослого чувствовать запросы детей не каждому дана. Наверное, чутьё подсказывает ему и социальный заказ для написания очередной песни или стихотворения.

Любовная лирика поэта – это и действительность, и воспоминания, приятные и не очень. Назвать Александра типичным лирическим поэтом нет никакой возможности, потому как другая тематика в его творчестве порой является доминирующей, в их числе и социально значимые стихотворения.

И, всё-таки...

Не думай, что если
Умчусь – мои песни
Уйдут со мной вместе, заглохнет мой стих.
С природой дружу я.
Ветра попрошу я.
Ты ночью проснёшься от песен моих.

Я не перестаю удивляться наблюдательности и развитому воображению Александра. Казалось бы, прочёл надпись, нацарапанную какой-то девчушкой на дверях автобуса «Заварыкин, я тебя люблю», посетовал бы на мелкое хулиганство и тут же забыл об этом казусе. А Бобошко возвёл эти каракули в ранг драмы: /неужели же Лариной Тани возвращаются к нам времена?/, /...а сам Заварыкин, достоин ли надписи той?/.

История взаимоотношений мужчины и женщины сочно и выразительно описана в «Территории любви». Это маленькая сага о красивом, но недолгом по времени чувстве. Ослепительные сравнения и метафоры не помогли сохранить такую же яркую любовь. Сколько в нашей жизни аналогичных историй! Но, похоже, поэту удалось избежать глубокой и долгой зависимости от неудач в этой сфере, пусть даже весьма ощутимых. «Любовь быстротечна, а чувства не вечны» – такая позиция понятна и поэтам, и простым смертным.

А ещё Александр смог уйти от приравнивания истинной любви к чувственности, с чем нередко встречаешься в современной поэзии. Никакого эпатажа в его любовной лирике нет, но при этом его лирический (читай: автобиографический) герой привлекает своей душевной сущностью, требует внимания к себе.

Стихами демарша и протеста отметились, наверное, все яркие поэты России. В своё время Марина Цветаева очень точно подметила штрихи в портрете А. С. Пушкина, которому были сродни мятежные настроения: «Бич жандармов, бог студентов».

Протестные стихи Бобошко написаны в основном на рубеже XX и XXI. То время, а точнее сказать – безвременье – запомнилось людям, теперь уже большей частью пожилого возраста, вялостью руководства страны, пустыми прилавками магазинов, голодными обмороками студентов. Профессия киллера стала одной из самых востребованных. Россиян, в том числе и руководителей крупных административных территорий, «мочили» среди бела дня, даже в столице. Это была пора тяжёлых моральных и материальных потерь, время общественного и культурного застоя.

Бобошко не паинька, не из тех, кто горазд к подстрекательству, а сам остаётся в безликой толпе. В своих стихах он открыт, в кипящих от возмущения строчках эмоции перехлёстывают через край, где-то он повторяется, но главное – гражданская позиция автора остаётся неизменной, беспощадная обнажённость событий в стране прописывается им без прикрас.

Важно обращать внимания на хронологию написания того или иного стихотворения, тогда можно будет уловить соразмерность между строчками, событиями, коим они посвящены и настроением автора. Например, в 1993 г. он даёт себе слабину, снисходит до жалости к России.

Родина моя, пыльная, больная,
Ты одна такая, Родина моя.

Это вяло и нетипично для Александра. Спустя два года он чётко обозначает своё настроение.

Один боец всегда смешон и мал,
Страшна царям народная стихия!
Не может быть, чтоб все сошли с ума.
Откликнитесь! Для вас пишу стихи я.

Не забыл он про памятное обещание нашего Президента Бориса Николаевича Ельцина лечь на рельсы, если жизнь народа не улучшится.

Ложитесь тесною семейкой
У тепловоза на пути.
Обнявшись накрепко с Шумейко,
С Гайдаром юным впереди.

Он не удовлетворён ни социально-экономическим положением страны, ни гражданской позицией соотечественников. Средства массовой информации виноваты?

Подобных русским нету на планете
По потребленью для ушей лапши.

Надеюсь, меня не уличат в злоупотреблении цитатами известных (можно – великих) поэтов, тем более, что приведённые ниже строки, на мой взгляд, имеют отношение к автору настоящего сборника.

Небольшая ссылка на Евгения Евтушенко: «Поэта вне народа нет, как сына нет без отчей тени...». И далее: «Чтобы понять себя, народ и создаёт своих поэтов».

*Николай Георгиевский,
Заслуженный врач
Российской Федерации,
доцент.*

ЧТО ЛЮБЛЮ, А ЧТО – НЕ ОЧЕНЬ (Своего рода автобиография)

Писать автобиографию для меня – тяжёлое дело. Те, кто имеет мои книги, знают, что описанию прожитого я всегда уделял мало внимания. Честно говоря, не понимаю, как можно на нескольких страницах рассказать о своей жизни. Она ведь у меня уже довольно длинная получилась.

Вот и сейчас при издании «Избранного» я с удовольствием бы ограничился тем, что привёл основные факты биографии: тогда-то родился, то-то закончил, там-то работал, тогда-то выпустил книги или звуковые альбомы.

Всё! Вопрос можно было бы считать исчерпанным.

Но, серьёзные, сведущие люди подсказали мне, что более подробная автобиография обязательна! Мол, вдруг читателю захочется уточнить некоторые детали из моей жизни: узнать что-либо о родителях, родственниках, семье. Почему занялся поэзией? Что люблю, а что нет? И так далее, и тому подобное.

Пришлось сесть за компьютер и выполнить эти пожелания. И вот что вышло...

Родился я 7 июня 1953 года в городе Райчихинске Амурской области.

Мой отец – Семён Иванович Бобошко работал мастером электроцеха ремонтно-механических мастерских (РММ), где осуществлялся ремонт шагающих экскаваторов. Я редко видел его дома. Моторы экскаваторов часто ломались. Наличием домашнего телефона шестьдесят лет назад немногие советские граждане могли похвастать, а у нас он был всегда, но радости приносил мало. Его установили лишь по одной причине – вызывать отца на работу в случае аварии на производстве в любое время дня и ночи. Неважно в отпуске он или в отгуле. Машину для доставки отца к экскаватору, разумеется, находили, а после ремонта, случалось, нет. И тогда приходилось ему, бывшему фронтовику, израненному на Западном фронте, топать до дому километров десять. Начальство мало волновало, что это могло происходить зимней стыллой ночью или в летнюю жару. Мы отца очень жалели и ненавидели телефон.

С той поры, когда у меня звонит домашний или сотовый телефон, я сильно вздрагиваю. Кажется, что он несёт что-то тревожное, нехорошее. Вот такой след из далёкого детства навсегда остался в моей памяти.

Мама, Ольга Степановна, в девичестве Савченко, работала бухгалтером. Очень любила художественные книги. У нас их было около тысячи. Этот факт сильно изумлял райчихинцев, большинство которых имело весьма скудную домашнюю библиотеку. Либо не имело вообще. Я сам не раз слышал от соседей и знакомых упрёки и ухмылки в адрес моей мамы: «Лучше бы на те деньги, что покупаешь книжки, приобрела корову!»

Зря соседи сердились. Наша семья не голодала и недостатка в молочных продуктах не испытывала. Мы с братом росли вполне здоровыми. А литература помогала нам развивать духовный мир.

Мамина любовь к книгам передалась и мне. Двадцать лет назад при переезде в новый дом лифт первые дни не работал, и соседи видели, кто и что несёт. Наблюдая, что в моё жилище нескончаемым потоком поступают книги – более двух с половиной тысяч, (мне потом рассказывали об этом), некоторые из соседей, едва я поворачивался к ним спиной, делали выразительное движение указательным пальцем у виска.

Однако в детстве я собирался стать не писателем, а лётчиком. Представлял такую картинку: в крылатой машине опускаюсь на улицу, приглашу бабушку с дедушкой в самолёт и подниму их выше облаков! Когда полетел в космос Герман Титов – мне захотелось стать космонавтом. Много читал о космосе, изучал карту звёздного неба, но в двенадцать лет у меня началась

близорукость. Она сильно прогрессировала и с мечтой о покорении звёздных или небесных высот, увы, пришлось расстаться.

В шесть лет я очень полюбил музыку и научился играть на гармошке. Занимался инструментом ежедневно по два-три часа. В результате, когда выходил музицировать во двор (мы жили в своём доме), бывало, прохожие останавливались и слушали, как я играю. А потом благодарили за доставленное удовольствие. Это окрыляло!

По достижении 9 лет поступил в музыкальную школу. Баяны тогда находились в разряде жёсткого дефицита, но мама моя ухитрилась приобрести инструмент в сельпо Хабаровского края за 160 рублей. Это были очень большие деньги! Но родители не пожалели средств. В знак благодарности первый класс в «музыкалке» я окончил с отличием.

Повесть Алексея Толстого «Аэлита» я прочёл в возрасте десяти лет, после чего надолго «прикипел» к фантастике. До этого она меня не интересовала, а тут открылся неведомый доселе мир! В библиотеках – школьной и поселковой, прочёл всё, что было из этого жанра. Помню, какой восторг испытывал, держа в руках очередной толстый том под названием «Мир приключений».

Увлечение новым жанром для меня просто так не окончилось. Сам принялся сочинять. Взялся за прозу. Стал писать фантастические рассказы. Одноклассники читали их с большим интересом. В шестом классе я даже выпускал рукописную газету на двух тетрадных листочках в клеточку, где из номера в номер «публиковал» свою повесть с продолжением. Повесть была шуточная, а её героями являлись мои одноклассники. Газета гуляла по школе и имела успех у десятков читателей!

...Жаль, ничего не удалось сохранить из написанного в то время. Увы, не аккуратно отнёсся к первым попыткам приобщения к творчеству.

Лицом к поэзии меня повернул брат Володя, который в девятом классе стал писать стихи, к тому же очень неплохие. Я радовался за него и, конечно, попробовал тоже что-нибудь написать в рифму. К моему удивлению ничего путного у меня не получилось. Я был раздосадован, не думал раньше, что чрезвычайно сложное дело – писать стихи. Опять к ним вернулся. И раз, и два, и три, и десять – ничего хорошего. Неудачи, однако, не убили интерес к поэзии, лишь раззадорили меня. Вспомнил мамину поговорку: «Не боги горшки обжигают». «Что же? – спрашивал я себя, – неужели я настолько туп, что не могу сделать то, что качественно умеют делать другие?!»

Идея стать поэтом крепла; стал много читать поэтических сборников, особенно, Есенина и Твардовского.

А тут наступила магнитофонная эра. С катушек полились песни бардов, сотни раз переписанные друг у друга; тексты их плохо прослушивались. Сосед Шурка Смелов, без памяти влюбившийся в творчество Высоцкого, зная, что я люблю литературу, попросил: «Досочини то, что невозможно разобрать на плёнке. Очень уж хочется полностью спеть любимого барда». Я решительно взялся за это дело, пару дней не отрывал голову от черновики. В результате, Шурка, а также брат Володя одобрили мои вставки – дополнения, и с удовольствием пели их под гитару.

Я ходил счастливый! Продолжал и дальше заниматься поэзией. Понемногу дело пошло на лад. Когда оканчивал среднюю школу, на экзамене написал два варианта сочинения. Первый – прозой, второй – в стихах. Учителя были в шоке! Такого на их веку ещё не случалось.

Но вообще они относились ко мне, прохладно, даже настороженно, кое-кто из них считал, что в будущем меня ждёт тюрьма. Нет, я не хулиганил, не дрался, не воровал. За решётку, якобы, сяду по причине глубокого интереса к творчеству Владимира Высоцкого, которого они считали опальным эком.

В августовскую ночь 1970 года, вместо того, чтобы усиленно готовиться к экзамену по литературе при поступлении в Хабаровский институт культуры на режиссёрско-театральное

отделение я вдруг принялся... сочинять стихи. Вдохновение, видите ли, нашло! Ни на минуту глаз не сомкнул. Написал к утру небольшую поэму (!) об истории Советского Союза. Усталый, не выспавшийся, находясь под впечатлением только что законченного личного труда, а не голой зубрёжки, я отправился в институт. Экзамен, однако, сдал на «отлично».

Долго в тот день не решался я заглянуть в тетрадку с «ночной поэмой», боясь испортить себе праздничное настроение. А когда заглянул, приятно удивился: в них была немало удачных, сильных строк! Наконец стало получаться то, к чему упорно стремился несколько лет.

Однако до настоящей поэзии мне было ещё далеко. Тогда я понятия не имел, какой тяжкий путь предстояло пройти, чтобы поэтическое слово прозвенело свежо и увлекательно. Не подозревал, какие унижения со стороны литературных начальников и коллег придётся испытать, не сломаться, выдержать. Хотя... Наверное, если бы даже знал и то, и другое, всё равно не отказался бы от своей мечты, тогда поглотившей меня целиком.

Впрочем, кроме шишек и невзгод, занятие поэзией подарило мне множество радостных минут и встреч. Был большой концертный зал Амурской областной филармонии, где в течение десяти лет я проводил свои авторские концерты. Выступал на площадях городов и сёл Приамурья.

Однажды пел для моряков атомной подводной лодки во Владивостоке. Отсеки у них тесные, потолки низкие. Спешил к зрителям и не успел пригнуться – разбил голову. Судовой врач лоб забинтовал, но кровь всё равно просачивалась и капала прямо на гриф гитары во время концерта. Моряки успокаивали: «Не волнуйтесь, товарищ музыкант! Мы все тут с непривычки головы разбивали». Их сочувствие, правда, мало успокаивало меня...

Много разных интересных случаев было в моей концертной жизни. Например, проводя концерт в одном из Домов культуры на БАМовской трассе, я понял, что гитара расстроилась. Остановил выступление и сказал зрителям: «Извините! Сейчас подстрою гитару». А тут из зала – мужской голос: «Четвёртая струна!» Проверил – точно, четвёртая врёт! Поблагодарил зрителя за его отличный музыкальный слух и продолжил выступать!

Нравилось работать на пограничных заставах. «Погранцы», как правило, слушали очень внимательно. После концерта обступали меня, забрасывали вопросами, просили автографы. Я дарил им кассеты со своими записями – они охотно брали, я радовался тому, что моё творчество востребовано.

Однажды предупредил аудиторию: «Сейчас спою песню про муху, но там не совсем про муху», и тут с последнего ряда раздаётся голос старшего лейтенанта: «А у вас все песни и стихи не просто так написаны». Ну, думаю, раскусил барда-хитреца. Умница, парень!

...Бывают встречи на улице, когда случайные прохожие подходят ко мне и благодарят за мои стихи и песни. В такие моменты думаю, что не зря живу на свете.

Если читателю интересно, кем я работал, чем занимался, приведу несколько фактов из своей биографии. После окончания вуза с 1974 г. по первую половину 1979 года – старший консультант Отдела по руководству уполномоченными Дальневосточного межобластного отделения Всесоюзного Агентства авторских прав. Курировал восемь зон Дальнего Востока: Благовещенск, Братск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Приморский край, Чита, Южно-Сахалинск, Якутск. Посещал неоднократно все эти города в служебных командировках. После того, как уехал из Хабаровска, кем только не работал: плотником-бетонщиком 3 разряда, сторожем-дворником, ведущим дискотеки, режиссёром театральной студии при ДК «Речник» РЭБ флота в Благовещенске, художником-оформителем. Одиннадцать лет являлся корреспондентом газеты «Амурская правда» в отделе социальных проблем и культуры, вёл литературное приложение «Глагол». В качестве артиста Амурской областной филармонии объездил практически всю область, работал полтора месяца в Южной Корее в роли Санта-Клауса и баяниста... Уже шесть лет при филармонии существует коллектив бардов-исполнителей «Живая струна». Являюсь его руководителем, сценаристом и участником.

В 1997-м году меня приняли в Союз писателей России, в 2005-ом – в Союз журналистов России. На сегодняшний день выпустил 13 книг стихов, песен и прозы.

В качестве небольшого отступления хочу привести такой факт. Было это ещё во времена СССР. Однажды французский писатель Мишель Турнье в беседе с советской делегацией обмолвился: «...многие французы успели отвыкнуть от того, что можно читать стихи и понимать их...». Возможно, Турнье излишне драматизировал ситуацию, но... сказано!

Если столкнусь с подобными фактами, отложу в сторону перо, надёжно зачехлю гитару, перестану выходить на сцену со своими стихами. Пока же чувствую обратную связь и с читателем, и со слушателями.

P.S. Если найду свободное время, позволит здоровье, – напишу толстую книгу воспоминаний о своей жизни. Много чего интересного случалось в ней, судьба сводила со многими интересными людьми, я был свидетелем эпохальных событий в нашей стране. Ну а пока, извините, уважаемый читатель, прошу вас ограничиться только что прочитанным.

Сентябрь 2017

ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ

Дикие лошади

Мы жить предпочитаем в чистом поле.
Не по нутру нам запахи конюшен.
Порой мы голодны, зато – на воле.
Нам только чистый, свежий воздух нужен.

Мы мчимся вскачь средь бела дня,
Бежим рысцою среди ночи.
На необъезженного вольного коня
Так много седоков запрыгнуть хочет.

Про нас твердят, мол, всё равно научатся
Седло, узду и удила терпеть.
Но только с нами это не получится.
Одно из двух: свобода или смерть!

Сейчас уже почти забыто всеми
(Забывать, забыть! – приказано не зря же)
Далёкое прекраснейшее время,
Когда скакали кони без упряжек.

Конь всякий птицею летел,
Да без кнута, без крика: «Трогай!».
И каждый так бежал, как только сам хотел,
Куда хотел и лишь своей дорогой.

Сегодня конь раздумьями не мучится.
Привык, что по нему гуляет плеть.
Но только с нами это не получится —
Одно из двух: свобода или смерть.

Нас называют «дикими», ну что же?
Мы в цирках не красуемся в плюмаже
И сапоги не шьют из нашей кожи,
Не варят на колбасы мясо наше.

Живёте вы, поднять не смея глаз
На тех, кто вас загнал в конюшни – норы,
И позволяете, чтоб ездили на вас,
Боль принося, вонзали в рёбра шпоры.

Эй, кони, встаньте на дыбы! Довольно ли
Ещё хоть миг мучения терпеть?

Спешите к нам, туда, где ветры вольные,
Где выбор дан: свобода или смерть.

29 августа 1987

Марш говорящих деревьев

Учёные подозревают, что деревья – это своеобразные разумные существа. Один из примеров: стоят рядом два дерева. Садовник обрубаёт осенью ветки одного, а второе в момент наступления зимних холодов протягивает свои ветки на помощь обиженному собрату, как бы желая согреть, защитит его от непогоды и от жестокости человека.

Подступает вплотную время, грозное время,
Чтоб высказывать всё напрямик.
Это мы говорим вам, мы – живые деревья,
Наших крон шелестящий язык.
Обвиняем вас, люди. Вы слепые и злые.
Жечь деревья, рубить – весь ваш сказ.
Ну, когда ж вы поймёте, что мы тоже живые,
Что есть чувства и разум у нас?

Как над нами люди, как ветра не бьются,
Чтобы уничтожить враз, навеки,
Ну а корни, корни, корни остаются
И пускают новые побеги.

Каждый жест, каждый шаг наш, вмиг у вас на заметке.
Быть нельзя нам и ЛЭП заодно.
Вы нам рубите руки, а, по-вашему, ветки.
Вверх тянуться нам запрещено.
Посмотрите на мебель, на диваны и кресла,
На повисший над речкою мост.
Всё заполнено нами: наши груди и чресла
И на части распиленный мозг.

Там сердца, конечно, высохли, не бьются.
Ничего, крепитесь, пни-калеки!
Что бы ни случилось, корни остаются
И пускают новые побеги.

Умудрились нацелить в космос радио ухо
И хоть там вас никто не зовёт,
А зовём рядом, здесь мы, с этим делом тут глухо.
Со своими – вам больше забот.
Нас всё меньше и меньше в развитом вашем веке.
Наловчились с нас кожу сдирать.
Закупорили в банки наших слёз горьких реки,
Стали с сахаром их продавать.

Наши слёзы, братцы, верим, отольются.
Ничего, крепитесь, пни-калеки.
Что бы ни случилось, корни остаются
И пускают новые побеги.

Ничего, погодите! Знаем, будет возмездье.
Хватит жечь нас, пилить и рубить.
Не трёхногие с Марса или плазма созвездий —
Мы придём за себя отомстить!
Из земли вырвем корни. В шуме, грохоте, стуке
Мы к вам плотной стеной подойдём,
И, по-вашему, ветки, а по-нашему руки,
Мы на шее на вашей сплетём.

Мы жаждем открытых глаз.
Незачем – вату в уши.
Люди, вы слышите нас?
В мир распахните души.

10 мая 1984

Чувства на продаже

Стало жить трудновато.
Не хватает зарплаты.
Всё вокруг дорожает.
Выживать надо мне.
Вот я, хмур и невесел,
Объявление повесил:
«Продаю свои чувства
По доступной цене.

Предлагаю вам ласку,
Что похожа на сказку,
И любовь предлагаю,
Уваженье и такт.
Есть в наличии совесть.
Есть и скверное, то есть —
Трусость, жадность и злоба.
Мы составим контракт».

Шквал звонков был мне сразу.
Я от всех слышал фразу:
«Жадность, злость покупаем.
Трусость оптом берём.
Уж такая харизма.
Нам бы больше садизма.
Поищи – купим баксом,
А не вшивым рублём».

И лишился я скверны.
Стал, как ангел, наверно.
Чистый, словно родился.
Нет пороков во мне.
Будто грязную робу
Сжёл я глупость и злобу.
Жадность, трусость продал я
По приличной цене.

Я сегодня с деньгами.
На душе только камень.
Что случилось с людьми-то?
Их понять нету сил.
Ведь печальная повесть:
Про любовь и про совесть
Ни один покупатель
Даже вскользь не спросил.

20 июня 2007

Собака не предаст

Я живу не просто так —
Думой озабочен.
Обожаю я собак,
А людей не очень.
Человек предать горазд
За большие «бабки»,
А собака не предаст,
Не поднимет лапки.

И с соседским кобелём,
Если вы в отъезде,
Не заявится в ваш дом,
Переспать чтоб вместе.
Не отключит телефон,
Если вы звоните...
Пёс хорош со всех сторон.
Вдумайтесь, взгляните!

Не оставит вас в беде,
Спину не покажет.
Ваши тайны пёс нигде
Никому не скажет.
Власть ругаете, а пёс
Ваши речи слышит,
Но в охранку свой донос
В жизни не напишет.

Пес не хлещет алкоголь.
Если опечален —
Не показывает боль,
Воет лишь ночами.
Псу не нужен омнопон
И марихуана.
Никогда не станет он
Гнусным наркоманом.

Пёс – не то, что человек.
Шарик – не придурок
И в подъезде он вовек
Не швырнёт окурок.
Громко музыку включать,
Матом уши ранить,
Кнопки в лифте поджигать
Никогда не станет.

Чем я больше узнаю
Про двуногих – мука.
Оды больше я пою
Кобелям и сукам.
Человек предать горазд
И в любви, и в драке,
А собака не предаст.
Верю я собаке!

13 июня 2005

«Людям хочется обмануться...»

Людям хочется обмануться.
А особенно в наши дни.
Мол, порхают по небу блюдца,
Но не просто летят они,
А в отличие от нас не дремлют:
Уроженцы чужой звезды
Контролируют нашу Землю,
Чтоб спасти землян от беды.

Ох, не хочется людям правды!
Верят запросто в ад, и в рай.
Горькой правде они не рады.
Ложь им сладкую подавай.
Верят в добрый слух, не иначе.
Слухи ширятся всё сильнее:
Мол, опомнилась власть и схвачен,
Арестован, в тюрьме злодей.

А преступник в ответ смеётся.
Он на взятки властям горазд.
Он-то знает – всё обойдётся.
Вора вор никогда не сдаст...

Обмануться желают люди.
У меня, например, есть друг.
Он-то думает – она любит,
А ей просто нужен супруг.
Вот знакомая – что есть силы
К ЗАГСу мчалась, теперь скулит.
Оказался альфонсом милый.
Водку пьёт на её рубли.

Людям хочется обмануться.
Ничего в том дурного нет.
И, наверно, летают «блюдца»
И любовь не мираж, не бред.
Но вокруг столько лжи и мрази,
А мы помощи ждём извне...
Мы безрукие с вами разве
В нашем доме, в своей стране?

23 мая 2008

Дорога на дуэль (Мысленное обращение к любимой)

Снег поскрипывает.
Тройка бешено мчится.
Не покрикивает,
Как обычно, возница.
Слишком кони послушны,
В лес летят, в глубину.
Тяжело мне и душно.
Воротник расстегну.

Сжала сердце тоска.
Но люблюсь при этом,
Как горят облака
В чудной дымке рассвета,
Как прекрасны деревья
И кусты на лугу!
Жить бы мне, но, поверь, я
Больше так не могу.

Петербург мне не мил,
Где усмешки, как плети.
Нет во мне больше сил
Злые выдержать сплетни.
Всюду – ложь. Вне сомнений,
Блиzkих нет, лишь враги.
Кредиторы, как тени,
Как удавы – долги.

Моя милая, сгину —
Ты поймёшь, кем я был.
Потому мир покинул,
Что тебя я любил!..
Лучше мне – на кладбище,
Чем у сплетен в грязи.
Эй, возница, дружище,
Поскорее вези!

Мои руки, как лёд.
Заведён я и взвинчен.
Верю, пуля пробьёт
Грудь навывлет мне нынче.
Только это и надо.
Я за тем и лечу.
Пуля мне, как награда.
Скорой смерти хочу.

Эй, коней не жалей!
Видишь, я на пределе.
Ну, ещё побыстрей!
Я заждался дуэли.
Как живу, ровным счётом —
Это вовсе не жизнь.
Прилетай, ворон чёрный,
Надо мной покружись...

12 июля 2007

О Пушкине и не только

Небольшое уточнение для слишком ревностных поклонников Александра Сергеевича Пушкина. Он обладал великолепным чувством юмора и думаю, улыбнулся бы, прочитав в этом стихотворении о своём чрезвычайно обильном творчестве, которое огорчало меня и моих сверстников-подростков, когда мы были ещё юными и несмышлёными.

1

Без поэзии – тоска. Без поэтов
скучно мне.
С тем встречаю штиль, а с тем —
шторм, девятый вал.
Я на днях статью прочёл
о великом Пушкине.
Ничего там нового,
правда, не узнал.

Азбучные истины
мною давно изучены.
Мол, давил на Пушкина
жизни тяжкий пресс.
Цензоры неистовы,
и долги замучили.
Был поэт ревнив.
Его донимал Дантес.

Власть поэта за рубеж
не пускала, стерва.
Бенкендорфу лично он
далеко не мил.
И обласкан не был он
Николаем Первым.
И тираж стихов его
лишь в три тыщи был.

Гений – Пушкин! Равных нет —
не ищи и не свищи.
Про другое думаю,
высказать спешу.
Было ли когда легко
хоть кому из пишущих?
Про других не буду я.
Про себя скажу.

2

В трудовой я рос семье.
Был чуть-чуть психованный,
Ибо начал чувствовать —

с нянечкой беда.
Не было подобия
Арины Родионовны.
Никакой и не было
няньки никогда.

От Елены – от моей
бабушки – Григорьевны
Я ни разу, в общем-то,
сказок не слышал,
Вот и не развился я
методом ускоренным.
И мальцом себя в стихах
пробовать не стал.

Эх, не навевала мне
бабушка сюжетики!
Редко улыбалась нам.
Грыз проклятый зуб,
Загрызал... Бессильными
оказались медики,
Бабушку серьёзную
положили в гроб.

...Моя мама в юности
на балы не ездила.
Летом с хворостиною
уток стерегла.
Не светило яркое
ей имён созвездие
В темноте медвежьего
дальнего угла.

Батю царь к себе не звал,
ни о чём не спрашивал.
На горбу мешки таскал
юный мой юнец,
Чтоб копейку получить...
На балы не хаживал.
Уставал. В колхозный клуб
не ходил отец.

3
Я пришёл в редакцию.
Был редактор бледен.
Говорили, что старик
очень сильно пил.
Так или не этак, но
«нас он не заметил,

В гроб сходя», лишь выругал,
не благословил.

Я просил вернуть тетрадь
со стихами – тщетно...
Через месяц лишь нашёл.
Морщился, зевал.
Массу общих слов сказал.
Ничего конкретно.
Понял я, тетрадь мою
он не открывал.

4
Помню школу. Курс её,
мягко скажем, спорен.
На уроках знали мы
скуку, маету.
«Лишний (нас не волновал)
человек» – Печорин.
Не ценили Чацкого
ум и остроту.

...Пушкин прожил тридцать семь.
Сделал не на шутку!
Учишь – задыхаешься,
словно в горле кость.
А до ста бы дотянул?
Аж подумать жутко,
Сколько бы заучивать
нам тогда пришлось!

Вызовут к доске – идёшь
потный и неловкий.
Не слова – мычание
извлекаешь ты.
Пробубнишь, как пономарь,
чёртовы рифмовки.
Не забыть, не сбиться бы —
вот и все мечты!

Я поэтов не любил,
я поэтов хаял.
Стыдно мне сейчас про то
людям рассказать.
Просто удивительно,
как пришёл к стихам я.
Стал читать их, сам теперь
пробую писать.

Ну а где пишу? Весь день
я кручусь в заботах, но
Если время выдалось,
вечером пишу.
Всё ж, отдача малая.
Мне бы в отпуск, в Болдино.
Дайте ссылку в Болдино,
лет на пять, прошу!

Дома телевизор, трёп,
всё такое прочее,
Что присуще в принципе
вообще семье.
Хорошо, наверное,
сочинять и ночью бы,
Только днём, не выспавшись,
как работать мне?

5
Если бы, устав от дел,
я домой пришёл,
А меня слуга раздел —
было б хорошо!
Глядь на стол, а там – балык,
с ягодой вареник.
Мне слуга анисовой
двести грамм налил.
Я часок вздремнул, в журнал
еду «Современник»,
Где роман последний свой
нынче поместил.
Пру в редакцию, как прёт,
извините, трактор.
В дверь стучать не надо там
из последних сил.
Хорошо писать, когда
сам себе редактор!
Хорошо писать, когда
сам себе кассир!

Не сошёл бы я с пути
даже ни на йоту.
Лира – вот мой первый друг.
Больше никого.
А какой-нибудь Дантес
пакостил бы – к чёрту!
Слишком много чести, чтоб
замечать его.

6

И меня не любит власть.
Власть себя лишь любит.
Лживых, льстивых рифмачей
обожает царь.
Я по улице иду,
вдруг подходят люди.
«Пишешь честно, – говорят, —
ты и дальше шпарь!»

Шпарю... Меньше, чем хочу.
Стих ведь не прокормит.
Книжку тонкую издал.
Сотня – весь тираж.
Вновь подёнщиной займусь,
Чтобы – тонус в норме,
Сыр и масло мог купить,
хлеб и карандаш...

А порой так хочется —
на плечо гитару
И на двести лет назад
в стольный град рвануть.
Там на тройке пронестись
с девочками к «Яру»,
Да на бал одним глазком
хоть разок взглянуть.

Да найти бы тот салон
хорошо, конечно
(Душ почувствовать родство,
счастья миг вкусить),
Где стихи читает он,
сам земной и грешный,
Средь поэтов – божество,
лучший на Руси...

25 мая 1998

Моим недоброжелателям

1

Мне противно и тошно,
Если хмыкают критики:
«В ваших песнях, Бобошко,
Слишком много политики.
Хватит петь о народе,
Обнищал, мол, спивается.
Надо петь о природе,
О загадках и таинствах,
О страстях и о вздохах.
Чтоб в стихах – недосказанность...
С экономикой плохо —
Журналиста обязанность:
Нацарапать в газету
Фельетон сатирический.
Несолидно поэту
Видеть мир с политической
Точки зрения. Ложку
Дёгтя в мёд вы суёте.
Не поэт вы, Бобошко!
Не о том вы поёте».

2

Да заткнитесь вы, критики, и катитесь подальше!
Разве я о политике? Если трусости, фальши
Я терпеть не желаю. Если жить нынче жутко,
Если я презираю власть воров и ублюдков,
Если горы халтуры я читаю и вижу,
Если литература продаётся бесстыже,
Как последняя шлюха. На ТВ и на видике
С правдой, с совестью «глухо». Разве я о политике?
Если люди годами не имеют зарплаты, —
Разве можно стихами про Луну и закаты?!

3

А работу имеешь – ходишь вечно пугливый,
Чтоб не выгнал за мелочь частник властолюбивый.
Мать не спит до рассвета. Сын в Чечне. Писем нету.
Есть ли совесть, поэты, сочинять вам сонеты?
Ну, конечно же, станут в позу томную нытики:
«Люди нынче устали. Их тошнит от политики.
Людам хочется света. Надоела «чернуха».
Потому от поэта ждут высокого духа».
Да поймите ж вы, люди, если правят подонки,
Значит, света не будет, только грязь и потёмки.

4

Если зуб мой гниёт, буду петь пару дней,
Боль отнюдь не пройдёт, только станет сильней.
Тот наивен и глуп, кто не смог разумать,
Что испорченный зуб надо рвать, а не петь!

5

Вот как путь будет верный, к светлой цели пойдём, —
Я, клянусь, буду первый петь и ночью, и днём
О цветах. Буду с теми, кто ласкает и любит.
Но, боюсь, это время никогда не наступит.
Нас спасёт только чудо, но чудес не бывает.
Слева, справа Иуды усыпить нас желают:
Сытой власти в угоду песни сладкие пишут
Про любовь и природу. наших воплей не слышат!
Если будем, бараны, эту жвачку жевать —
Будут новые паны нас в рабов превращать.
Мы им кланяться низко будем глухо и слепо
Под весёлое диско, бормотание рэпа.

6 сентября 1995

«Зачем нам выборы?» (Письмо в редакцию)

Дорогая редакция!
Пришёл на днях к открытию я
И вот пишу в газету.
Зачем нам выборы, друзья?
Ведь выбора-то нету!

Любой сегодня депутат —
Мастак на разговоры.
Когда он только кандидат —
Наобещает горы.
Проголосуем. Что с того?
Забудет обещанье.
Обогащенье – у него.
У нас лишь – обнищанье.

Нам эти выборы на кой?
Пуškai не состоятся.
А власти тихо меж собой
И так договорятся.

Не надо выборов – да, да!
Ещё о чём подумал:
Ведь сэкономится тогда
Большая денег сумма.
Все выбора – огнём гори! —
Пуškai уйдут со сцены,
И сразу можно раза в три
На хлеб понизить цены.

10 апреля 1998

По волчьему закону

Я – волк. Я уйду из жизни рано.
Мне пулей ногу человек пробил.
Я залезть сумел бы рану,
И в роднике бы я её промыл.

Да только так другие волки не считают.
Готовы в горло мне вцепиться, в переносицу.
Меня всё ближе окружает волчья стая.
Вот-вот набросится.

Но ведь пока я кость не раздробил —
За справедливость в нашей стае бился.
А этот вот с подпалиной забыл —
Он молод был, я мясом с ним делился.

Теперь, как все, вокруг меня кружит он молча,
И, обнажив клыки, как все, злорадно косится.
Меня всё ближе окружает стая волчья.
Вот-вот набросится.

Я залезть свою сумел бы рану
И в роднике бы я её промыл.
Всадил охотник в ногу девять граммов.
Жаль, промахнулся, в сердце не всадил.

Мне не простили эти звери, что хромаю.
Я жить хочу. Я молод. Нет на шкуре проседи...
Не помогают здесь – здесь только добивают,
Грызут здесь до смерти.

Узнал вожак наш – подлая свинья —
О сильной столь моей кровопотере
И выразил сочувствие, но я
Его словам, конечно, не поверил.

Он рад безумно, что теперь я выбываю!
Мы часто раньше на обгон с ним вместе
в бой неслись.
Меня вплотную окружила волчья стая.
Ну, всё... Набросились.

4 марта 1997

Молитва атеиста

Господь, не знаю, есть ты или нету?
Скорей всего тебя, конечно, нет.
Но, если есть ты, на меня не сетуй,
Что мне не симпатичен твой портрет.
Поверь мне, Бог, зазря я не обижу.
Ты, говорят, трёхликий Отче наш,
Но я в тебе одно лицо лишь вижу
И от него берёт меня мандраж.

Больной тогда ты был, или поддатый,
Планету заселяя? Не пойму.
Признался сам ведь, что людей создал ты
По образу, подобию своему.
Так отчего ты так людей не любишь,
Своих точнейших копий, двойников?
То хладнокровно их Потопом губишь,
То, так же равнодушно, Ледником?

Как вспомню – на душе моей погано
От всех твоих кровавых страшных дел.
Две тысячи невинных мальчуганов
Убиты. Ирод царь так захотел.

Фанатиков я слышу хор оружий:
«Не Бог убить младенцев подал клич».
Но ты ж Всесильный, ты же Всемогущий,
Мог Ироду устроить паралич!

Уж если ты Пророк миллионнолетний,
В грядущий день глядишь, спесив и горд?
Чего ж ты с мамой Гитлера промедлил,
Не отослал мамашу на аборт?!
Когда фашисты нагло и умело
Людей сжигали в газовых печах,
Что ты на небе в это время делал?
Хихикал у себя на облаках?

Сейчас в России каждый третий лишний.
Востребованы здесь бандиты лишь.
Где твоя милость к падшим, а, Всевышний?
Чего ж ты беспредел не прекратишь?
Коль видишь, говорят, лицо под гримом,
Раскусишь вмиг характер хоть кого,
Зачем разъединяешь ты любимых,
А не любимых сводишь для чего?

Психолога не вижу я уменье.
Не вижу прозорливость я твою.
Иль ты создал нас лишь для развлечения:
«Хочу – поглажу, а хочу – убью?»
Стон слышится, увы, по всей планете.
Невинных гибнет тьма. В конце концов,
Как можешь ты, убийства видя эти,
Не наказать подонков, подлецов?

Сильней всех президентов и эмиров,
В бездействии ослаб ты и зачах.
Слепцы тебя назвали Светом Мира.
Наивно ждут наград на небесах.
Очнись, Господь, от сладкой лживой лести.
Задумайся, Создатель наш, встряхнись!
Насчёт воров – прибегни к скорой мести.
Униженным – светлее сделай жизнь.

Верни доверье, Бог! Не хлопай дверью.
К людским страданиям, Бог, не стой спиной.
Стань справедливым! Я в тебя поверю.
Все атеисты вслед пойдут за мной.
Народ давно уж ропщет внятно, грозно.
Гордыню, самолюбие отринь,
Стань, Бог, другим. Пока ещё не поздно.
Не надо долго злить людей! Аминь.

26 сентября 2011

«– Где, скажи, сегодня те, что молчали раньше?..»

– Где, скажи, сегодня те, что молчали раньше?

– О, они на высоте, трубадуры фальши.

Захватили кресла, в спальном прут вагоне

То на фирму «Тесла», то на фирму «Сони».

– Где, скажи, сегодня те, что не лгали раньше?

– Как и прежде, в нищете, в духоте, параше.

Жизнь прожили честно, в пахоте, как кони.

Их не ждут на «Тесла», их не ждут на «Сони».

– Где сегодня те, скажи, что за нами бдили,

Испоганили всю жизнь, в лагеря садили?

Где они? Насколько меньше этой гнили?

– Да всё там же, только вывески сменили...

6 июля 1992

Я люблю

Без причин нас могут запросто обидеть.
Зло и ненависть переполняют мир.
Ну а я устал браниться, ненавидеть,
И любовь отныне – главный мой кумир.

Я люблю, когда друг друга уважают.
Неприятны те, кто любит матом крыть.
Обожаю, если не перебивают.
Что хотел сказать, дают договорить.

Обожаю чтение. Книг прочёл немало.
В день сегодняшний никак нельзя без них.
Жаль, что книга быть настольной перестала
Для потомков и ровесников моих.

О, любви благословенное начало!
Ожидание захватывает дух.
Я всю жизнь, увы, ищу свои причалы
И надеюсь, что когда-нибудь найду.

Я люблю, когда зимой сосульки тают,
Жду весну уже в начале февраля.
Я люблю, когда природа оживает:
Реки, травы, и деревья, и поля.

Не скажу однажды: «Жить устал... Довольно».
В страшном горе не рванусь влезать в петлю.
Знаю точно, как бы ни было мне больно,
Я с последним только вздохом разлюблю.

24 декабря 2005

Возвращение Наполеона

Таким Париж забудется едва ли,
Хоть с той поры промчалось двести лет...
Гремели марши, люди ликовали
И Бонапарту кланялись вослед.
Флаг на ветру над головой взметался.
Мальчишки голубей пускали с крыш.
С очередной победой возвращался
Наполеон в блистательный Париж.

Спросил его один из приближённых:
«Вы для людей, как Бог. Вам смотрят в рот.
О, ваша светлость, гляньте, как влюблёно
На вашу поступь крестится народ.
Вам люди отдадут тела и души
И на войну пошлют детей своих.
Я не пойму, скажите, почему же
В ответ Вы не приветствуете их?»

Сказал ему печально император:
«Вот точно так же радостный народ
Овации устроит, если завтра
Меня вдруг поведут на эшафот».
Он оказался прав. Сгустились тучи,
Народ кричал: «Правителя убьём!»
Из головы тот не выходит случай.
Как часто вспоминаю я о нём.

Вся жизнь летит по замкнутому кругу.
Увы, ничто не ново под луной.
Я доверять, отнюдь, не склонен другу.
Мою «перцовку» выхлебав со мной,
С восторгом скажет мне: «Ты гениален!
Поднял в балладах целый жизни пласт!»
А я не рад. Наоборот, печален.
Меня он завтра запросто продаст.

Найдётся вдруг солиднее «инвестор»,
И, на халяву выпив коньяка,
Друг про меня с ухмылкой скажет: «Бездарь!
В его стихах корявая строка».
Есть к недоверью у меня причина.
Шептала утром страстная газель:
«Ты, милый мой, единственный мужчина» —
С другим ложилась вечером в постель.

Мир к измененью с каждым веком рвётся.
Одежд людских меняется фасон.
И только подлость прежней остаётся,
Про что отлично знал Наполеон.

25 июля 2001

Смена королей

Слушок летит быстрее шмеля:
«В субботу сняли короля!
Лишили трона и всего.
В тюрьму отправили его».
В субботу сняли короля,
А в воскресенье – о – ля – ля! —
Его преемника гонец
Придворных вызвал во дворец.

И свита, бывшая при том,
Кто нынче спрятан под замком,
Сказала: «Новый наш король,
Ты, наконец, пришёл! Доколь
Могли мы света не видать,
Могли терпеть мы и страдать
От болевых сердечных ран?
Король был дурень и тиран.

Ни педагогам, ни врачам —
Он помогал лишь богачам.
В тюрьму бандитов не сажал
И сам тюрьмы не избежал.
Как сняли – день один прошёл,
А как уж стало хорошо!
Бодрящий ветер перемен
Удушью следует взамен.

Нам доложили – да, да, да —
Во всей империи вода
Намного сделалась мокрей.
Народ работать стал шустрой!
Ещё вчера была бледна,
А нынче яркая Луна!
И даже звёзды в десять раз
Горят активнее сейчас!»

Король послушал их слова,
Сказал в ответ: «Спасибо, вам!
Мы завоюем целый мир!
Ну а пока закатим пир».
...Мир покорить – не говорить.
Легко словечками сорить.
И лет примерно через пять
Весть по стране летит опять:

«Снят в воскресенье наш король.
Приказ ему: «В тюрьму – изволь!».
И вот он в камере сидит,
На небо в клеточку глядит».
А через день бежит гонец,
Зовёт придворных во дворец.
Преемник рявкнул: «Всем – привет!»
И свита гаркнула в ответ:

«Тебя, о, новый наш король,
Мы все приветствуем! Доколь
Могли мы света не видать,
Могли терпеть мы и страдать?
Был твой предшественник – дурак.
Мы жили трудно, кое-как.
Но день всего один прошёл,
А как нам стало хорошо!»

...Что ж, было так, и будет так,
Покуда существует мир:
Кто потерял свой пост – дурак!
А кто обрёл его – кумир!»

8 апреля 2007

Тысяча желаний

Я хочу, чтобы люди любили.
И не только себя, а других.
Чтоб навеки несчастья забыли.
Дефицит был на грубых и злых.
«Что там, кудри у вас или плешка?» —
Человек, любопытство уйми!
Пусть останется тщательной слежка
За планетами, не за людьми.

Я хочу, чтоб настала свобода,
Где не боязно слово сказать,
Чтобы нравилась людям работа
И хотелось творить и дерзать.
Я хочу, чтобы время настало
Пни и корни сжигать, корчевать,
Чтоб мерзавцы ушли с пьедестала,
Не уйдут – с пьедесталом взорвать!

Мы на грани всеобщего срыва
И хотим, чтобы стихло «Ура!»,
Завершилась эпоха призывов,
Срочных дел наступила пора.
Чтоб скорее исчезли трибуны
И в Москве, и в таёжном краю,
На парадах и старец, и юный
Шли на равных в едином строю.

Чтоб легко, будто двери в подъезде,
У границ открывались замки,
Чтобы мог я в Австралию ездить
Так же просто, как в Ессентуки,
Гость ко мне бы летал с Окаямы*
Без хлопот, будто он из Перми.
Я хочу, чтоб сегодня себя мы,
Наконец, ощутили людьми.

*Окаяма – город в Японии.

28 августа 1987

Тайна за закрытыми дверями

Послушай, Бог, единый и в трёх лицах,
Я обращаюсь с просьбами к тебе.
Хочу стать бестелесным, чтоб пробиться,
Пройти сквозь стены зданья КГБ.
Там обо мне насобирали столько,
Что интерес во мне жутчайший есть.
Я жизни год отдать готов, чтоб только
Хотя бы раз досье своё прочесть.

Распорядись, Господь! Пройду я скрытно
По зданью, где стреляли по ночам.
Ты знаешь, Бог, мне очень любопытно, —
Кто на меня, когда и где «стучал».
Без обысков, без высылки и пыток
Его пугнули – он наклал в штаны,
А мне потом смотрел в глаза открыто
Без осознания собственной вины.

Просить по пустякам мне не пристало.
Всевышний, мне совсем не всё равно
Узнать, кто ел со мной мой хлеб и сало,
На брудершафт моё хлестал вино.
Задав необходимые вопросы,
Благодарил за пищу и за кров,
А через час строчил свои доносы,
Как будто бы, он Сидоров, Петров.

Приятелей моих бумаг маранье,
Увы, сыграло роль в моей судьбе.
Я до сих пор пройти без содроганья
Не в силах мимо зданья КГБ.
Меня не повенчали с Кольмою,
Не связан по рукам был и ногам,
Но ощущал дыханье за спиною,
И это чувство било по мозгам.

Так, всё-таки, когда и где, и кто же
Сумел меня подставить и продать? —
Не раз я размышлял. Послушай, Боже,
А может, мне про то не надо знать?
Вот сделаешь меня ты бестелесным,
Сквозь двери, стены, сейфы пролечу
И станет мне моё досье известным,
А вдруг я после жить не захочу?!

Когда бумаги вытащу полпуда,
Знакомый почерк там увижу вдруг,
Узнаю, что любовь моя – Иуда,
А чаще всех стучал мой лучший друг,
Как дальше жить тогда, кому поверить?
Прости, мой Бог, что с просьбой шёл к тебе.
Пускай навеки запертыми двери
Останутся в архивах КГБ!

30 апреля 1995

Думка о котах различного возраста

А когда-нибудь пытались вы погладить
Уличного взрослого кота?
Даже при весьма высокой плате
Он не согласится никогда.

Вспомнит, как мальчишки подзывали:
«На – сардельку, – увеличь свой рост!»
Никакой сардельки не давали.
Что есть силы дёргали за хвост.

Как с тех пор в людскую верить ласку?
Взрослый кот имеет зоркий глаз.
Никогда не ходит без опаски —
И имеет рядом тёмный лаз.

...Привелось погладить мне котёнка.
Он ещё доверчив был и глуп.
Он, подставив мягкую шерстёнку,
Улыбнулся краешками губ.

Он, клянусь, так нежно улыбнулся,
Не бежал он в страхе от меня, —
Стало за него тревожно, грустно,
Ведь не все такие, как вот я.

И хотелось испугать его мне,
Чтобы к людям больше он не шёл.
Чтобы крепко-накрепко запомнил,
Рановато к ним идти ещё.

Дураков, садистов нынче – пропасть.
Ты не забывай, котёнок, бди!
А исчезнут глупость и жестокость —
Вот тогда лишь к людям подходи.

1980

Монолог чудовища Несси

Летом 1934 года, соблазненный наградой за поимку легендарного чудовища из озера Лох-Несс (который журналисты любовно назвали «Несси»), охотник на львов, американский снайпер Уитвел много дней и ночей провёл в засаде на неведомого зверя. Стрелял в воду при появлении малейшей ряби на поверхности озера.

С тех пор ихтиозавра больше никто не видел.

Я – чудовище Несси.
Я живу под водой,
И не сблизиться вместе
Мне с людскою ордой.
Пусть я зверь с виду гадкий
И плавник на спине,
Но людские повадки
Не по мне, не по мне.

Я отчаян был смолоду.
На поверхность всплывал
И высовывал голову,
Нос повсюду совал.

На людей я в обиде.
Люди могут предать.
Я ведь многое видел,
Опыт мог передать.
Плыл я к людям, но понял,
Что до глупости смел.
Только голову поднял —
Тут же взят на прицел.

И не видел я смолоду,
Где друзья, где враги,
И стреляли мне в голову,
Чтобы выбить мозги.

Смотрят люди в бинокли
И вздыхают: «Пострел...
Нет рептилий. Подошли.
Как же он уцелел?
Почему вслед за всеми
Не замолк, не затих?
В наше сложное время
Быть не может таких!

Вероятно, он с голоду
На поверхность всплывал
И высовывал голову,

Нос повсюду совал».

Жизнь сегодня другая.
Я в цене,
говорят.
Да, уже не стреляют,
Но и с мушки
не снят.
Всё сегодня
иначе.
Обещают призы,
Если череп не прячешь...
Запоздалый
призыв!

Не заставишь и золотом
На поверхность всплывать,
И высовывать голову,
И повсюду встречать.

12 августа 1986

Гулливер в Лилипутии

На песочке мокром, сером
(Заалел едва восток)
Лилипуты Гулливера
Вяжут вдоль и поперёк:
«Будешь место своё знать!»
Бьют ногами без стеснения.
Ах, какое наслажденье
Великана попинать!

«Мы – малютки. Ты – большой горе подобный.
Слишком крупный в нашем мире, неудобный».

Гулливер кричит, стараясь
Лилипутов убедить:
«Никого не собираюсь
Ни подмять, ни раздавить.
Разрубите сеть узлов!
Я совсем не виноватый
В том, что всех вас вместе взятых
Выше стал на сто голов...»

Не берут, увы, слова его на веру,
И приходится несладко Гулливеру.

В схватке честной с ним удачи
Ни один бы не познал.
Гулливер был ночью схвачен,
Когда очень крепко спал.
Так и встретил он зарю:
Видит, карлики хохочут
И соломинкой щекочут
Гулливерову ноздрю.

Вмиг покончил бы он с этим шумом-гамом,
Коль не связан по рукам был да ногам он.

Каждый узел проверяют,
Чтобы был
предельно туг.
«Мы тебе
не доверяем,
В наш не пустим
тесный круг!»
И в чехлы кладут ножи.
«Одинакового роста

Был бы с нами —
было просто б.
Эй, не дёргайся, лежи!»

Он лежит, продрог насквозь в песочке сером...
Плохо быть среди лилипутов Гулливером.

На песочке мокром, сером
(Заалел едва восток)
Лилипуты Гулливера
Вяжут вдоль и поперёк...

27 июля 1996

Не браните Есенина!

Не браните Есенина.
Дескать, много он пил.
Потреблял бы умеренно —
Лет до ста бы дожил.

Надоели вы с руганью.
Мол, развратник певец.
Жил с одной лишь супругою:
Вот бы был молодец!

Осуждать златокудрого —
Понапрасну, тщета.
Вы такие все мудрые,
Лет живёте до ста
Сытно и комфортабельно.
Носом вниз, не в зенит.
Так живёте вы правильно,
Что от вас аж тошнит.

Стал у вас он виновником,
Мол, в пороках он весь, —
У самих же любовники
И любовницы есть.
У кого нет – хотели бы
Не выходит никак.
В мыслях койки расстелены
Для любовных атак.

Прямо действовать, сволочи —
Тонковата кишка.
Ваш разврат – втихомолочку,
Скрытно, исподтишка.
Помолчать, дяди с тётями!
Шёл поэт, мол, ко дну.
Сами водочку пьёте вы
Не граммульку одну.

Ни к чему ваши прения.
Пил Есенин и пусть.
Он был пьющим, но Гением.
Вы ж – нетрезвая гнусь.
Нос совать неприлично вам,
Слать усмешек оскал.
Вообще, дело личное:
С кем он пил, с кем он спал.

Мир чернила выплёскивал,
Мир бумагу марал.
Но никто про берёзку так,
Как поэт, не сказал.
К чёрту – сплетни! Повесили,
Мол, чекисты его...
Жутко было, невесело —
Влез в петлю оттого.

Бросьте выпады, жалобы
На поэта хоть раз.
Не судите, и, стало быть,
Не осудят и вас.

Отправляйтесь вы к лешему!
Сплетни – вновь день за днём,
Не орите вы бешено —
Всё о нём да о нём,
Не брюзжите рассеянно.
Что поэту с того?
Вы прочтите Есенина.
Вы поймите его.

27 сентября 2002

Квадратный мир

Зависим мы всегда от чьей-то воли,
На бойню поведут иль на парад.
Похож наш мир на шашечное поле,
Где каждой пешке отведён квадрат.

А принцип той игры давно известен.
Ну что твои мечты, судьба, стезя?
Нет, если ты стоишь на чёрном месте,
На белое уже никак нельзя.

И здесь непозволительна усталость.
Тот впереди, кто вечно нагл и груб.
Чтоб пешка здесь одна из всех прорвалась,
Других отдать положено «под сруб».

Сумев остаться целым в страшной давке,
Не возгордись: какой, мол, умный я!
И хоть ты ухитрился выйти в дамки,
Гарантий нет спокойного житья.

Лишат тебя надёжнейшего крова
Коллеги те, что в дамках, как и ты.
И «треугольник» уж готов «Петрова»,
Где перекрыты все твои ходы.

И день тебе теперь темнее ночи,
И не даёт житья вопрос такой:
А кто вручает эти полномочья —
Руководить за шашечной доской?

10 июня 1982

Джинсы старые (Песенка бывшего «семидесятника»)

Надень, дружище, джинсы старые.
И если ты неходишь в них,
То годы ты прожил бездарно и
Не написал свой лучший стих.
Не исходил ты землю-матушку,
Стремился в Крым, презрел Сибирь.
Ты не искал, ты грех взял на душу —
Пошёл не вглубь, раздался вширь.

Надень, дружище, джинсы старые.
И если джинсы в самый раз,
Пройдись по улочкам с гитарою.
Пройдись, как раньше, в поздний час.
Огромный клёш был, как у флотского.
Тебе тогда семнадцать лет.
Хрипел ты песенки Высоцкого.
Давно его в живых уж нет.

Ах, не имел в те годы дисков ты.
Безумно музыку любя,
Всё то, что слушал на английском ты,
«Битлами» было для тебя.
Ночами в радиоприёмниках
Ты рок ловил сквозь треск и писк.
Ну, а теперь тебе и днём никак
Нет времени послушать диск.

«Один друг старый лучше новых двух», —
Права народная молва.
Нам наши песни поднимали дух!
Не позабыть бы их слова.
Блажен, кто через годы смрадные
Запал души сумел сберечь!
...Надень, дружище джинсы старые.
Что? Ты давно их бросил в печь?
Ах, ты давно их бросил в печь...

17 июля 1986

Баллада о скоморохе

«К чёрту банки, крынки,
Молоко и мёд!
Вон, концерт на рынке
Скоморох даёт!»
И, веселья ради,
(Век жесток и лют)
Поспешил к эстраде
Весь торговый люд.

Вновь устроил праздник
В серый будний день
Шут и безобразник!
Как ему не лень?
«Пляшет ведь не слабо!
Ай да молодец!» —
Бьют в ладоши бабы,
Нищий и купец.

Вид его отпетый:
В рубище одетый.
Брякают на шапке звонко бубенцы.
Поистёрты шмутки,
Но – игрец на дудке!
Мужики довольны, радостны юнцы.

Рожа скоморошья,
Браги ли хлебнул,
Что не дружишь с ложью?
Правду лишь одну
Вслух ты называешь,
Удалец, храбрец!
Про царя гутаришь:
«Государь – подлец.

Все бояре – воры.
Пустота в казне.
Царь лишь разговоры
Любит о стране.
Речи мягко стелет,
Образ создаёт,
А на самом деле
На народ плюёт.

Царь не верит в Бога.
Потому убого

Мы живём сегодня.
В темноте – тропа.
И попы – ворюги.
Нет по всей округе
Одного хотя бы
Честного попа».

Ох, и громкий хохот!
Зритель входит в раж,
Славит скомороха:
«Правдолюбец наш,
Скучно нам и тяжко.
Снова от души
Спой, поэт-бродяжка
Или попляши!»

Но не спеть артисту
Под мажорный лад.
На конях со свистом
Стражники летят.
Пикой – по макушке.
Злобно говоря:
«А не пой частушки,
Сволочь, про царя!»

Лупят скомороха.
Скомороху плохо.
Бьют его по рёбрам,
Метят прямо в пах.
Не агент он вражий.
«Неча будоражить.
Не фиг смуту сеять
В душах и сердцах.

Вот тебе, бродяге:
Гусли – об забор!
Все твои бумаги
Бросили в костёр».
Дым кроваво – мглистый...
Господи, спаси!
Тяжело артисту
С правдой на Руси.

13 августа 2009

Папой не назову

Прошлое подёргаю за нити,
Вспоминаю сразу же... Тоска.
Я зачем-то отчима обидел
Из-за дури, из-за пустяка.
Помню, шёл тогда мне годик пятый.
К отчиму имел большую злость,
Хоть совсем он не был виноватый,
Что у мамы с папой не срослось.

Это часто так бывает:
Крики, слёзы, тарарам.
Дети после отвечают
За ошибки пап и мам.

Вновь в детсад тащиться неохота.
Собираюсь, вою от тоски.
Как назло, сегодня отчего-то
На ботинках порваны шнурки.

Отчим помогает мне обуться.
Низко наклонясь у самых ног,
Говорит: « Пускай шнурочки рвутся,
Мы их свяжем накрепко, сынок! »

Мне б ему – такую же монетой,
Я ж ответ (хоть грубым не слыву):
«Пусть шнурки завязываешь мне ты,
Папой всё равно не назову!»

Помню, что, услышав эту фразу,
Будто от удара вздрогнул он,
А потом отпрянул резко сразу
И курить поплёлся на балкон.

Ничего в ответ он не сказал мне,
Опустился вновь у самых ног.
Понапрасну он шнурки связал мне,
Не скрепился наш семейный блок.

Так и жили. Отчим хоть и злился,
Для семьи зарплаты не жалел.
Но меня при этом сторонился.
В нелюбви я тоже преуспел.

А могло быть всё у нас иначе,

Оба ведь страдали: он и я.
Эх ты, жизнь! Эх, глупость пацанячья,
Ревность непонятная моя.

Это часто так бывает:
Крики, слёзы, шум и гам.
Дети жизнью отвечают
За любовь отцов и мам.

2 августа 2006

Уходят лучшие из нас

Смерть изо всех орудий
По нам нещадно бьёт.
Уходят наши люди.
Кто – медленно, кто – влёт.
Вокруг пустоты, бреши,
Смерть ртом гнилым смеётся.
Всё меньше, меньше, меньше
В живых нас остаётся.

Мой друг!
Узнал я только что сейчас,
Что вдруг
Погиб ещё один из нас.
Инфаркт.
Надежд, любви, забот развязка.
Быль, факт —
Не слух, не вымысел, не сказка.

Мой друг,
Уходят лучшие из нас.
Вокруг
Всё меньше рук родных и глаз.
В лицо
Смерть дышит, постоянно ищет.
Кольцо,
Смотри, сужается, дружище.

Я думал,
это будет
В далёком далеке,
И вдруг уходят люди
До срока
– налегке.
На всех чернеет метка,
Но тяжело привыкнуть,
Что гадыдохнут редко,
Друзья всё чаще гибнут.

Мой друг,
Пока лежим не по гробам
И стук
Сердечный будит по утрам,
Давай
Жить, что есть силы на пределе,
И в рай

Смерть не поднимет нас с постели.

Мой друг,
Уходят лучшие из нас.

7 июля 2006

«Сказала ты: «Кошка не плачет...»

Сказала ты: «Кошка не плачет».
А я не согласен с тобой.
Нет, плачет, но только иначе.
Порой незаметной, ночной.

Дождётся, бедняга, что первым
Хозяин уснёт – только тут
У кошки распушены нервы.
Горючие слёзы текут,
По мордочке сжавшейся льются.
Рыдает тихонько навзрыд,
И лапы у кошки трясутся,
И хвост мелко-мелко дрожит.

Она вспоминает, как утром
Пинок получила. Позор!
Хозяйке почудилось – будто б
Мочилась она на ковёр.
Да не было этого вовсе!
Гонялись голодные псы...
Возлюбленный кот её бросил.
Наглец, усмехался в усы.
(В любви клялся вечной!) Вчера же
При встрече в кусты завернул,
Как будто не видел, и даже
Хвостом ей в ответ не махнул.

Хозяев на днях поджидала
В подъезде... Морозно уже.
Зубами всю ночь простучала.
Обидно кошачьей душе.
Хозяева – как им не стыдно! —
Припёрлись под самый рассвет.
...Когда нам рыданий не видно —
Не значит, что вовсе их нет.

1 сентября 1995

Мы исчезаем А. В. Рубцову

Исход судьбы своей не знаем.
Снег всё сильнее летит за ворот...
Мы потихоньку исчезаем.
Под пятьдесят нам и за сорок.
Нам так не хочется признаться,
Что мы не мальчишки уже,
Что нам пора остепеняться,
Пора подумать о душе.

Мы исчезаем потихоньку.
А всех быстрее тот, который
Не научился делать стойку
Перед начальствующей сворой.
Когда подыгрывать в спектакле
У нас желанья больше нет,
Пьём валерьяновые капли
И прибавляем в седине.

Мы потихоньку исчезаем.
Увы, для новых поколений
Мы (лучший случай) динозавры,
А худший – вообще до фени.
Смешны им наши увлеченья,
Наивны песни и стихи.
Что мы считали преступленьем,
У них ошибки, не грехи.

Всё наше (время, мол, иное),
Они коверкают и рушат.
Сейчас беспамятство сплошное
Царит, увы, в умах и в душах.
Что слать упрёки сыну, внуку?
Ведь сами рвём мы с прошлым нить.
Ведь забываем мы друг другу
Порою даже позвонить.

А было время – мы горели!
Стыдились жить грешно, убого.
Мир окружающий хотели
Мы изменить, хотя б немного.
А сколько нас с дороги сбилось,
Ушло, увы, на жизни дно.
А сколько наших просто спилось.
В могилах прах истлел давно.

Мы исчезаем.

6 декабря 1994

Жить по совести

Жить по совести – это как?
Дураку сказать, что дурак,
А начальнику – сволочь, жмот,
Что из кассы себе берёт?!
Жить попробуешь не по лжи,
Что добьёшься тогда, скажи?
Дурачок тебе врежет в глаз,
А начальник уволит враз.

Как по совести жить? Вопрос,
Коль в мозгах сплошной перекоп,
Если попораны честь и стыд,
Если вор лишь богат и сыт,
Если верил десятки лет,
Что учение – это свет,
Хоть неграмотных тьма в верхах,
Но при крупных они деньгах.

Трудно честным быть до конца.
На тебе резко «нет лица»,
Если милая предаёт,
От ворот даёт поворот.
Надо бы навсегда уйти,
Но не можешь ты сил найти,
Улыбаешься, что-то врешь,
К ней покорно опять идешь.

Всё запутано в жизни так,
Что и умный порой дурак.
Ну, а, если во власть придёшь,
Разве ты себе не возьмёшь?
Впрочем, знаю, что всё же есть
Стыд и правда, любовь и честь.
Только как с ними быть в стране,
Где мораль давно не в цене?

13 августа 2009

Песня последних атлантов

Скрылся в дыму и в пламени
Нет, не галера, не бриг, —
Вышел в последнее плаванье
Гибнущий наш материк.
Сильно богов мы прогневали,
Делали аду назло.
И с преисподней ли, с неба ли
Вдруг наказание пришло.

Скатилась звезда к нам из выси небесной.
Трещит твердь земли, как орех.
Мы тонем в пучине, мы падаем в бездну
Без шансов подняться наверх.

Пили вино до икоты мы,
Жрали мы до блевоты.
Стали с сараями скотными
Схожи дома и сады.
Недругов многих осилили.
Враг был совсем непростой,
Но пол-Европы и Ливия
Вскоре под нашей пятой.

Весь мир мы хотели десницей железной
За горло схватить без помех.
Но сами внезапно мы падаем в бездну
Без шансов подняться наверх.

Мы упивались пороками.
Стали странюю воров.
Мы бунтарями, пророками
Тигров кормили и львов.
Для мудрецов и талантов мы
Плах не жалели и дыб.
Грозными были атлантами —
Стали добычею рыб.

Эй, бог Посейдон «наш светлейший и честный»,
Да как же ты бросил нас всех?
Спокойно глядишь, как мы падаем в бездну
Без шансов подняться наверх.

Наша ли алчность причиною,
Наш ли от разума бег,
Что с океанской пучиною

Мы породнились навек?
Только одно утешение:
(Шансов спастись никаких)
Может быть, наше падение —
Верный урок для других.

Волна нас накрыла. Бежать бесполезно.
На всех несмываемый грех.
Мы падаем, падаем, падаем в бездну
Без шансов подняться наверх.

23 июля 1994

Русское кладбище в Харбине

Я брожу по харбинскому кладбищу
(Хоть и Царство Теней не люблю),
И, как будто бы редкостный клад ищу,
Я надгробия взором сверлю.

Влево, вправо – родные фамилии
Бывших русских своих, земляков.
Грустно в гавань чужую приплыли и
Тут остались. Удел их таков.

Я далёк от ветров конъюктурщины.
Белый, красный – не всё ли равно.
Пуст Харбин. Флаги русские спущены.
Корабли опустились на дно.

Много красные горя наделали.
Цвет их флага таков. Се ля ви.
Но у тех, что себя звали белыми,
Тоже руки по локоть в крови.

Компромисс невозможен был. Поняли:
Заодно вместе быть не суметь.
Впрочем, те и другие уж померли,
Примирает политиков смерть.

Обелиск из фанеры, из камня ли,
Наплевать тем, кто двинулся в рай.
Белых нет.
В вечность красные канули,
Но в России
всё тот же раздрай.

И тогда и сейчас много схожего.
В кайф – ударить друг друга под дых.
Вот и кладбище здесь не ухожено.
Не до мёртвых нам, не до живых.

Пусть надгробья китайцы разбили и
Не следят за погостом, но мы
Почему на родные фамилии
Равнодушно взираем из тьмы
Предрассудков, из мрака невежества?

Наша помощь, увы, на поле.
...Тяжело им лежать, русским беженцам,

В неуютной китайской земле.

11 мая 2006

Гробокопателям

Это что же у нас творится?
Не в кошмарном сне – наяву
То оттуда покойник мчится,
То отсюда и все в Москву.
А Москва принимает трупы,
Сделав очень довольный вид.
И тарелки звенят, и трубы,
Телевидение гремит.

Поначалу по всей планете
Развозили неясный прах.
Мол, спецы за бугром ответят:
Здесь и вправду ль с Семьёй монарх?
Но подумали и решили,
Что не нужен такой вопрос.
И останки захоронили,
Океан проливая слёз.

Над Семьёю скорбим сегодня.
Жаль царя и его детей.
Но, скажите, нам жаль те сотни
Убиенных простых людей?
До царя они с просьбой кроткой
Шли девятого января,
Были встречены пулей, плёткой
Испугавшегося царя.

Что ж про это молчим мы, право,
Иль воды мы набрали в рот?
Нет, не зря же, не зря Кровавым
Николая прозвал народ.
А теперь он в святейшем лике...
Чтоб историю двинуть вспять,
Генерал к нам теперь Деникин
Из загранки примчал опять.

К праху старца припали нежно
Весь бомонд и столицы знать.
Скольких он убивал и вешал —
Им не хочется вспоминать.
Им без этого жить спокойней...
А чтоб он «не скучал» один —
Новый нужен в Москву покойник.
Делегация прёт в Харбин.

Каптель там – кровопийца жуткий
Спит, покоится в темноте.
В двух могилах бывал – не шутка!
Поначалу лежал в Чите.
Кони красных хрипели в беге,
У Читы начинался бой —
Шефа выкопали коллеги
И в Харбин увезли с собой.

Вновь могилу его копают.
Открывают повторно гроб
И в Москву его посылают
Третий раз упокоить чтоб.
Здесь финансы нашлись и силы!
Эй, чиновнички из Москвы! —
Перестаньте копать могилы.
О живых позаботьтесь вы!

Белым, красным ли – рай не светит!
Не проклятья им, не любви.
Нет героев ни тех, ни этих.
Все завязли в большой крови.
А представьте, случится драка,
Поменяется снова власть.
Скажет вождь: «Я гляжу, однако,
Хоронили мы всяку мразь.

Не к лицу ей святые лики.
Прах Романовых – на Урал.
Каптель – сволочь, подлец – Деникин.
Раскопать, чёрт бы их побрал!»
Вождь прикажет, взъерошив патлы:
«Всех отправить в обратный путь!»
... Не тревожьте усопших, падлы.
Дайте сгинувшим отдохнуть!

12 января 2009

Страус

Я – страус. Я живу в песках.
Когда опасно станет вдруг,
Кого-то в темя бьют и в пах —
Я не испытываю мук.
Меня не гложут стыд и честь.
Желанья нет в конфликты лезть.
Я клюв свой быстро – «на замок».
Мгновенно голову – в песок.

Живу я тихо много лет.
Не прошептал, не завопил.
И ни одной причины нет,
Чтоб я иначе поступил.
Душа бороться не лежит.
И никогда не разможжит
Однажды пуля мне висок.
Чуть что – я голову в песок.

Но вот сказал на днях шакал.
Такой мне высказал упрёк,
Что, дескать, жизнь я проморгал,
Что слишком я себя берёг.
Чрезмерно жизнью дорожил,
Не мёрз, не дрался, не грешил,
Своих врагов не потрошил
И ничего не совершил.

Его упрёк мне не указ.
Ведь у шакала гнусный нрав.
Но стало страшно мне сейчас:
А вдруг он прав, а вдруг он прав?

2003

О вечном невезении Тамары Пончиковой

От рожденья, почитай, от самого
Нет просвета Пончиковой Томе.
Ей не повезло вначале с мамою.
Та её оставила в роддоме.
А медсёстры долго слёз не лили и
За дитё взялись, судьбу ругая.
Отдала одна свою фамилию,
Поделилась именем другая.

Со смешной фамилией дурацкою,
Тоненькая, словно хворостинка,
Жизнью невесёлой, интернатскую
Зажила подкидыш – сиротинка.
«Пончиком» её прозвали сразу же,
Хоть и не оправдывала кличку.
Ну, а ей плевать, нет счастья раз уже,
Невезенье, вроде, как в привычку.

Только ночью иногда, когда нет сил уснуть,
Смотрит долго Томочка во тьму.
Хочется поплакаться кому-нибудь.
Некому.

Тут у всех с судьбой одни оплошности.
О семье лишь разговоров тема.
Душу доверять из осторожности
Никому Тамара не хотела.
Выросла она девчонкой скрытною.
Пончиком всё также называлась,
Но при этом с кличкой аппетитною
Сытою ни разу не бывала.

За спиною интернат. На фабрике
Стала ученицею, а вскоре
Вдруг удачи луч блеснул фонариком —
Встретилась она на танцах с Борей.
В общежитье к ней Борис похаживал,
Брал её с собой на вечеринки.
И не то, чтоб сильно он ухаживал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.